

Минская эпопея. Июнь 1941-го

Первые дни Великой Отечественной войны в столице БССР

Ирина ВОРОНКОВА, научный сотрудник отдела военной истории и межгосударственных отношений Института истории НАН Беларуси

Окончание. Начало в № 6

В НЕРАВНОЙ СХВАТКЕ

Утро 24 июня перечеркнуло все надежды на благополучный исход событий. В 9.40 началась первая массированная бомбардировка Минска, в которой участвовало 47 самолетов. За ней с небольшими перерывами последовали другие налеты. В материалах личного архива П.К. Пономаренко имеются сведения, что в этот день было не менее 18 бомбардировок силами по 35–40 самолетов каждая [1, л. 86]. Этот ад продолжался до 21 часа.

Трагические подробности содержатся в личных заметках заместителя председателя Совнаркома БССР И.А. Крупени, написанных в 1942 году. Будучи человеком далеко не сентиментальным, он, тем не менее, оставил следующие строки: «И вот наступил третий день войны – 24 июня 1941 года. Кто был в этот день и ночью в Минске, тот может сказать: из всего страшного, что я видел в жизни, самое страшное было здесь. Минские электростанции разрушены. Одна из них охвачена огнем... Повреждены трамвайные пути – изрыты воронками, валяются обломки рельсов и шпал, порваны электропровода. Раскиданы, как пушинки, камни, которыми были вымощены улицы. На перекрестке Советской и Урицкого лежали опроки-

нутые [трамвайные] вагоны, превратившиеся в братскую могилу людей всех возрастов. В лучших магазинах города, размещавшихся по Советской и Ленинской улицам, царил хаос: пробиты осколками бомб прилавки, полки, стены. Продукты, пересыпанные осколками стекла от люстр и окон, валялись на полу, на тротуарах. В 3-м Доме Советов (сохранившийся доныне жилой дом на перекрестке улиц М. Богдановича и Сторожевской. – Авт.) женщины и дети решили укрыться в подвале... Взорвавшаяся рядом бомба вызвала пожар. Все подъезды и подходы были охвачены пламенем. Там погибло более 100 человек...» [2].

Минчане, погибшие на глазах у родных или извлеченные из-под завалов и опознанные, были похоронены на городских кладбищах. Так, на Военном кладбище сохранились могилы жертв бомбардировки 24 июня – Александра Федоровича Белятко, 1892 года рождения, и его двадцатилетней дочери Веры; Веры Федоровны Леонович, не дожившей до 30 лет; Марии Петровны Качеревской. Жена и дети похоронили Ивана Петровича Статкевича, жизнь которого унесла бомбардировка 26 июня. Рядом с ними покоятся и другие жертвы тех страшных событий: оплаканный матерью тринадцатилетний подросток «Мишенька Лабенский»; отец и дочь Фроловы – Леонтий Фадеевич и Раиса Леонтьевна; Ада и Валерий Ритиковы и другие.

На Военном кладбище был похоронен и командующий ВВС ЗапОВО Герой Советского Союза генерал-полковник авиации И.И. Копец, застрелившийся в своем рабочем кабинете 22 июня (по другим сведениям – 23 июня). Версии причин, по которым это произошло, выдвигаются разные, но все-таки решающей, как представляется, был разгром авиации Западного фронта на приграничных аэродромах. Эту страшную картину генерал увидел своими глазами, когда, в отсутствие связи с приграничными авиадивизиями, утром 22 июня вылетел на своем истребителе в район Лиды – Барано-

ОБ АВТОРЕ

ВОРОНКОВА Ирина Юрьевна.

Родилась в Минске. В 1972 году окончила исторический факультет Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина. С 1972 по 2004 год работала в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны, с 1995 года – заместителем директора по научной работе.

С 2005 года – научный сотрудник отдела военной истории и межгосударственных отношений Института истории НАН Беларуси.

Автор более 60 публикаций, в том числе монографии «Беларусь и война в Испании (1936–1939 гг.)».

Сфера научных интересов: военная история Беларуси, музееведение.

вичей. По свидетельству дочери И.И. Копца, часть территории Военного кладбища, на которой его похоронили, после войны была застроена.

Исчезли и могилы многих минчан, похороненных прямо на месте гибели. Вот что вспоминает Л.С. Касмович: «После обеда сплошная лавина огня приблизилась к нашему дому со стороны улицы Куйбышева... Рядом... размещался милицейский детский сад с большим фруктовым садом (семья жила на улице Красной, в соседнем доме находился детский сад № 2 НКВД. – Авт.) Сюда начали стекаться люди со стороны пожарища, а потом и больные из военного госпиталя, размещенного близко от нас. Мы также вышли в этот сад... Послышался гул самолетов... Земля подо мной не просто задрожала, а прошла волной. Когда рассеялся дым, я встал и увидел, что дерево сломало, возле его основания – воронка от взрыва бомбы... а мама, отец, бабушка и Миша... (двоюродный брат Л.С. Касмовича. – Авт.) убиты... Мне стало страшно и я пошел к тете Зине на Грушевскую... 28 июня мы с лопатами отправились на Красную, чтобы похоронить погибших... после войны тут началось строительство, и могила исчезла» [3, с. 257–258].

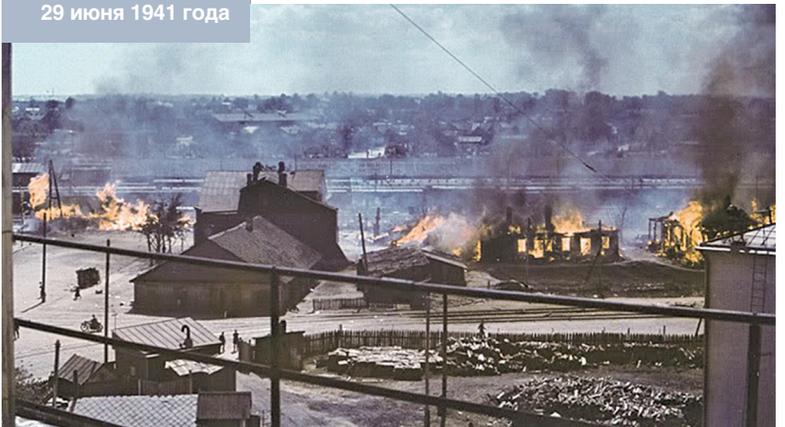
24 июня разведывательная сводка штаба Западного фронта по состоянию на 23.00 сообщила, что, «по данным двух пленных летчиков, над Минском действовали «Мессершмитт-110» с кенигсбергского аэродрома. Летчики прибыли 23 июня 1941 года из Берлина на Кенигсберг и через 5 часов направились в полет... Над Минском действовали с высоты 1800–2000 м... Бомбардировщиков сопровождают истребители из расчета 8 истребителей на 30 бомбардировщиков...» [4, л. 7–9; 5, с. 428].

В центре Минска особенно пострадали улицы Советская (нынешний проспект Независимости), Володарского (Городской Вал), Урицкого (Романовская Слобода), Комсомольская, Ленина, Красноармейская, Свердлова, Долгобродская (Козлова), Провиантская (Захарова), Пролетарская, Коммунистическая (две последние располагались в районе нынешних Октябрьской площади – улицы Я. Купалы) и другие.

В пожарах и бомбардировках первых дней войны были разрушены: электростан-

ция № 1; заводы – станкостроительный имени С.М. Кирова и весовой «Ударник», фабрики – картографическая, кондитерская «Коммунарка», галантерейная имени М.В. Фрунзе, швейная «КИМ», трикотажная «Красный текстильщик», шеточная имени Н.К. Крупской, обувная индивидуального заказа; типография газеты «Звезда», литография типографии имени И.В. Сталина, в одном здании с которой находился Литфонд; книжная база Белгосиздата; библиотечный коллектор Минской области; Госбанк и Коммунальный банк; Дом связи с центральным почтамтом и телеграфом; НИИ физиатрии, ортопедии и неврологии, НИИ туберкулеза, оба городских родиль-

Пожары в районе минского железнодорожного вокзала, 29 июня 1941 года

ных дома, детская больница, Центральный детский диспансер, зуболечебница Красного Креста; кинотеатры «Родина», «Красная звезда», «Спартак», «Детский»; гостиницы «Европа», «Беларусь», 2-я Советская; Главный универмаг, Детский универмаг, крупнейшие гастрономические, книжные и другие магазины; столовые, клубы, многие другие объекты.

Уже в первой половине дня прекратилось электроснабжение, вышел из строя водопровод, остановились хлебозаводы, перестали работать магазины, предприятия и учреждения, городской транспорт. Со второй половины дня жизнь в Минске была фактически парализована.

Городские и добровольные пожарные команды, санитарные дружины, группы самозащиты из последних сил пытались выполнить свой долг: вытаскивали из-под завалов раненых, боролись с огнем, пока была вода. В этой неравной схватке участвовали 400 бойцов шести минских

пожарных команд под руководством начальника управления пожарной охраны НКВД БССР А. Козаченко. При бомбардировках и ликвидации пожаров погибли начальник отдела пожарной охраны Минской области Евнин, начальник политотдела управления пожарной охраны НКВД БССР Федченко, заместитель начальника учебного отряда по политчасти Жигалов, десятки рядовых пожарных [6].

Силы, защищавшие воздушное пространство над Минском, не смогли противостоять удару. Речь может идти лишь об отдельных победах летчиков и зенитчиков. Основную часть подразделений дислоцировавшейся в Минске 7-й отдельной зенитно-артиллерийской бригады война застала на лагерных сборах под Крупками, откуда они добрались до столицы лишь 25 июня, но уже на следующий день в связи с резким обострением обстановки в районе Минска бригада получила приказ отойти к Борисову [7, с. 10]. Вместе с тем пусть недостаточное, но все-таки сопротивление с земли и в воздухе привело к тому, что 25 июня немецкие бомбардировщики начали летать на Минск только в сопровождении своих истребителей, что ранее самоуверенно считали излишним.

БЕЗЫСХОДНОСТЬ ИСХОДА

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко позднее вспоминал: «События нарастали столь стремительно, что... ЦК и СНК Белоруссии поставили вопрос об общей эвакуации. После получения от нас шифровки об этом Сталин позвонил и сказал, что санкционирует наше предложение» [8, л. 27–28]. Вечером 24 июня из столицы вывезли заранее подготовленные к эвакуации архивы центральных партийных и комсомольских органов. С архивами Совнаркома, наркоматов и Верховного Совета БССР, находившимися в Доме правительства, возникли сложности. Поскольку уже утром 24 июня поврежденное при первой бомбардировке здание было оставлено сотрудниками, архивы подготовить к вывозу не успели. В руки немцев попали почти все дела, касавшиеся государственного управления и все мобилизационные дела БССР [9, л. 17; 10, с. 9]. Такая же участь постигла

государственные архивные, музейные и библиотечные фонды. Не удалось эвакуировать имущество ни одного из промышленных предприятий [11, л. 21–24; 12, с. 254].

Как явствует из документальных источников и свидетельств очевидцев, в ряде случаев увенчались успехом предпринятые властями, хотя и слишком запоздавшие, меры по организованной эвакуации населения столицы. Во второй половине дня 24 июня ЦК КП(б)Б постановил: «Считать необходимым произвести немедленную эвакуацию детей и матерей из города», Минскому горсовету предоставить для этой цели весь имеющийся автотранспорт, а Минскому отделению железной дороги «организовать специальные эшелоны для эвакуируемого населения» и дополнительно организовать пункты погрузки на станциях Товарная, 747-й км, Ратомка,

Отступление.
Лето 1941 года

Колодищи, Смолевичи. Горком и райком партии, райисполкомы обязывали немедленно проинформировать об этом минчан. Перед руководителями Смолевичского, Руденского, Пуховичского, Червенского и Узденского районов была поставлена задача для «населения, следующего в сельские районы... представлять подводы и размещать население в колхозах» [13, л. 2–13; 12, с. 17]. Главная проблема заключалась в том, что в условиях практически непрерывных бомбардировок организовать массовую эвакуацию непосредственно из Минска было уже невозможно. Подъездные пути Минского железнодорожного узла оказались разрушенными, часть подвижного состава была уничтожена. Из-за нехватки транспорта и возникшей в связи с бомбежками паникой столичный вокзал прекратил принимать желавших уехать «неорга-

низованных» граждан. Можно привести лишь самые общие цифры, основанные на воспоминаниях участников событий. Так, заведующий отделом транспорта и связи ЦК КП(б)Б М.И. Сарычев упоминает о 50 эшелонах, выехавших из города 23–25 июня [14]. Секретарь ЦК П.З. Калинин пишет о 10 эшелонах, ушедших из города, причем только 24 июня. По-видимому, последний источник и был использован белорусскими историками в ряде публикаций 1970–1980-х годов [15, с. 14].

Анализируя имеющиеся в наличии документы и материалы, можно сделать вывод, что непосредственно из Минска эшелоны уходили в течение 23–25 июня (имеются в виду только составы, сформированные непосредственно в Минске, но не транзитные). В это же время, до 26 июня включительно, основную тяжесть эвакуации населения столицы несли пригородные железнодорожные станции Колодищи и Ратомка. Процесс эвакуации из дополнительных пунктов тоже был сопряжен с немалыми трудностями. Из воспоминаний художника Е.Н. Тихановича: «В Колодищах сборище народу. Эшелоны товарных вагонов и платформ набиты людьми... Женщины голосят, идет драка за место в вагонах, а эшелоны не трогаются с места уже долгое время. В чем дело понял, когда увидел одного солдата, который рассказывал, что в Смолевичах немец-парашютист обезоружил его и отпустил на все четыре стороны. Сделано это было намеренно, чтобы был наш солдат живым свидетелем, рассказывающим всем, что немцы не такие уж злостные бандиты, особенно, если ты сдался им в плен. А с другой стороны, нужно было, чтобы люди знали, что Смолевичи находятся в немецких руках и ни один состав не тронется с места в Колодищах...» [16, с. 53]. Заметим, что семья Тихановичей так и не смогла уехать и осталась в оккупации.

Некоторых минских детей эвакуировали без родителей в составе тех дошкольных, образовательных и медицинских учреждений, которым удалось выехать только благодаря решительным действиям педагогов, воспитателей, пионерских вожатых, медицинских работников, встававших на пути автомашин и железнодорожных составов, чтобы упросить забрать детей. К примеру,

так удалось вывезти несколько пионерских лагерей и детских садов из мест летнего отдыха в Тальке, Городище, Ратомке и других пригородах.

Успели эвакуироваться представители достаточно большого количества столичных коллективов: наркоматов и различных трестов, промышленных предприятий и артелей системы промкооперации, коммунального хозяйства и торговли, Минского участка Западной железной дороги, научных и медицинских учреждений, высших учебных заведений, техникумов и школ, Госиздата, Радиокomiteта, Дома печати и типографии имени И.В. Сталина, редакций газет, Главкинопроката, киностудии «Советская Беларусь» и др.

Вместе с тем нельзя не отметить, что желание отправиться в неизвестность присутствовало далеко не у всех минчан. Для этого были разные причины, в том числе психологического и материального характера. Не стремились к отъезду большей частью рядовые минчане, не отягощенные

Беженцы.
Лето 1941 года

партийной принадлежностью, должностями и званиями. И это несмотря на то, что советская пропаганда преподносила эвакуацию как доказательство патриотизма, недаром в послевоенных анкетах появился вопрос о пребывании граждан или их родственников на оккупированной территории. Вот почему даже в отчетах участников Минского антифашистского подполья, составленных для партийных органов в 1944 году, причину пребывания в оккупации они излагали явно извиняющимся тоном. Так, подпольщица А.А. Мелентович указывала: «Во время оккупации гор. Минска

немецкими захватчиками я осталась в Минске. Причиной этому послужила моя полная уверенность в том, что в Минске немцам не бывать, к тому же я тогда не могла оставить на произвол старуху мать, которая... была разбита параличом...» [17, л. 168].

После 21 часа 24 июня, когда на время прекратились налеты авиации, начался массовый исход из города по Могилевскому и Московскому шоссе жителей, не имевших возможности уехать транспортом или просто пытавшихся укрыться от бомбардировок и пожаров.

В докладной записке от 20 июля 1941 года председателя СНК БССР И.С. Былинского на имя заместителя председателя СНК СССР А.Н. Косыгина о ходе эвакуации из Беларуси констатировалось: «В связи с внезапностью нападения создать организованную эвакуацию из западных и Минской областей не удалось, и население в большинстве случаев пешеходом уходило из мест,

Бойцы Красной армии выходят из окружения. Лето 1941 года

занимаемых противником» [18, л. 1–4; 12, с. 238]. При этом, однако, не было оговорено, что такой «пешеход» обычно заканчивался вынужденным возвращением на родное пепелище, как это случилось с большинством минских беженцев. Подтверждения этому имеются в воспоминаниях многих минчан, приводим некоторые из них.

М.Г. Виноградова: «В этот день [24 июня] из деревни к нам пришла мамина сестра, и мы начали собираться, надели зимние пальто, на головы – кастрюли, чтобы защититься от осколков. Мать взяла документы и фотографии... Мы подходили уже к деревне, когда увидели немцев и решили спрятаться в ближайшем болоте. Мать уничтожила все фотографии отца в военной форме... Когда

люди хотели идти дальше, их остановили немцы на мотоциклах и заставили всех возвращаться в город» [19, с. 110–111].

Л.П. Булат: «... Семья приняла решение уходить из Минска... Быстро собралась группа человек в 30. В основном семьи с малыми детьми... Направление выбрали не на Борисов – Москву и не на Могилев – говорили, что здесь немецкие самолеты прямо-таки свирепствовали, безжалостно расстреливая людей. Направление выбрали... на Бобруйск. Да не по шоссе, а окольными путями... Как только стемнело, тронулись в путь... Помню, когда передвигались вдоль Свислочи... от пышущих огнем горящих зданий пришлось прижиматься к самому берегу реки... Мы все были убеждены, что выход в «беженцы» – это ненадолго. Пара недель, ну месяц от силы! Главное, чтоб к немцам в лапы не попасть сейчас, а там их обязательно остановят... Действительно, в беженцах довелось быть недолго. 30 июня передовые немецкие части вошли в... местечко Дукора, где мы ночевали... Бежать дальше не было смысла, и наша семья вернулась обратно» [20].

Не соответствовала действительности также оптимистичная оценка итогов эвакуации из Минска, прозвучавшая из уст секретаря ЦК КП(б)Б Т.С. Горбунова в беседе с сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР в августе 1944 года: «Население направилось по Могилевскому шоссе на Могилев и по шоссе Минск – Москва вглубь страны. Нам не удалось многое вывезти из Минска. Главная задача, которая стояла перед нами, вывезти наибольшее количество людей. Более половины жителей города Минска (около 200 тыс. чел.) ушло на восток, в том числе на восток ушли основные кадры белорусской национальной интеллигенции, виднейшие деятели науки, артисты, писатели, художники, композиторы, врачи, более 7 тыс. учителей. Это дало нам возможность сохранить и сберечь белорусские национальные кадры интеллигенции. В этом отношении у нас очень небольшие потери: несколько художников, несколько артистов...» [21, л. 24–27 об.; 12, с. 296–297].

Что касается «небольших потерь» в кадрах творческой интеллигенции, за этой формулировкой в большинстве случаев

стоят сломанные судьбы людей, не по своей воле оказавшихся на оккупированной территории и вынужденных работать, чтобы выжить, за что многие после освобождения были репрессированы.

ОБРЕЧЕННЫЙ НА ОККУПАЦИЮ

В 20.00 24 июня, в условиях непрерывного обострения ситуации на бело-стокско-минском направлении, ЦК КП(б)Б, Совнарком БССР, Президиум Верховного Совета БССР, Минский горком и райкомы партии, горсовет, облисполком, райисполкомы, ЦК ЛКСМБ и другие центральные организации получили приказ командующего Западным фронтом Д.Г. Павлова об эвакуации из Минска. Руководители БССР и столицы выехали на автомашинах в Могилев в промежутке между 2.00 и 4.30 утра 25 июня. Дневник работы ЦК КП(б)Б с 22 июня по 19 августа 1941 года, составленный постфактум не ранее указанной последней даты, свидетельствует, что выезд ЦК и СНК состоялся в 2.00 [22, л. 1–55; 12, с. 33], в Сведениях о деятельности правительства республики с 22 июня 1941 года по 22 апреля 1942 года, подготовленных в мае 1942 года уже в Москве, сообщается, что эвакуация СНК произошла в 4.30 [23, л. 60–87; 12, с. 67].

Этой же ночью город оставили руководство НКВД и НКГБ, милиция, войска РККА и штаб Западного фронта, который перебрался сначала на запасной командный пункт в районе деревни Боровая в 8 км северо-западнее Минска, а на рассвете 26 июня также под Могилев.

Правда, в течение 25–26 июня в столице еще оставались подразделения конвойных войск НКВД СССР. В 5.00 25 июня начальник минского гарнизона, командующий 100-й стрелковой дивизией генерал-майор И.Н. Руссиянов в связи с выводом из столицы частей РККА возложил на 42-ю бригаду конвойных войск задачу по борьбе с диверсантами и парашютистами и поддержанию порядка в городе. В 10 часов утра комбриг А.А. Плеханов направил начальнику Управления конвойных войск НКВД СССР В.М. Шарапову следующее донесение: «24.06.41 части РККА, правительственные учреждения и наркоматы НКГБ и НКВД

оставили город Минск. В городе царит беспорядок. Сброшенные парашютные десанты терроризируют население. На бригаду начальник гарнизона возложил задачу по очистке города от выброшенных десантов. Для очистки города мною в различных районах города высланы войсковые оперативные группы из работников НКГБ, оставшихся одиночек, переходящих через город Минск из западных областей БССР. За 24 и 25.06 задержано в городе различных подозрительных лиц 8 человек» [24, л. 26].

Однако даже войска НКВД были уже не в силах овладеть ситуацией, и в 3.00 26 июня, сняв войсковую охрану с тюрем и складов [24, л. 72–76], штаб бригады и личный состав частей ушли из Минска в лагерь бригады в Прилуках, а в 18.00 того же дня двинулись к Могилеву. В это же время Минск покинули еще остававшиеся там оперативные группы бригады в количестве 160 человек [24, л. 77–80].

Немецкие войска
вступают в Минск.
29 июня 1941 года

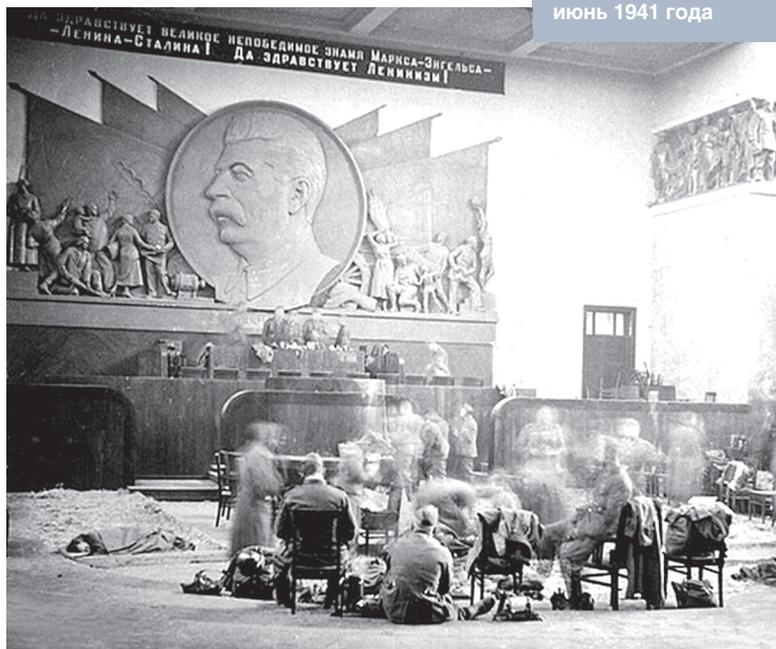
Таким образом, после 18.00 26 июня Минск фактически оказался в состоянии полного безвластия, что породило беспорядки, подогревавшиеся переодетыми диверсантами, их пособниками, уголовными элементами. Но, говоря об этом, не забудем, в какой чудовищно сложной с психологической точки зрения ситуации оказались минчане, жизнь которых буквально перевернулась.

25 и 26 июня немецкая авиация вновь бомбила Минск, но интенсивность бомбардировок заметно снизилась. Объяснение этому можно обнаружить, в частности, в послевоенных мемуарах А. Кессельринга, заявившего, что уже 24 июня его летчики в основном выполнили свою задачу

относительно Минска и искали другие цели – отступавшие или находившиеся на марше советские войска [25, S. 120].

Враг стремительно приближался к Минску по нескольким направлениям: со стороны Молодечно, Ракова, Дзержинска, Негорелого. Бои на ближних подступах к столице начались вечером 25 июня. Защитники города не сдавали своих позиций до последней возможности. Однако перевес сил противника давал о себе знать все более явно. В ночь на 28 июня войска 2-го стрел-

Немецкие солдаты в Овальном зале Дома правительства. Минск, июнь 1941 года

кового корпуса вынуждены были начать отступление на восток от Минска к реке Волма. И хотя западнее Минска в районах Заславля, Дзержинска и других населенных пунктов продолжал яростно отбиваться от наседавшего врага 44-й стрелковый корпус, столица БССР была фактически обречена.

Вопрос о конкретном времени вступления в Минск первых частей противника достаточно сложен, поскольку сведения в источниках разнятся. Что касается немецкой стороны, она не делала различия между передовыми десантными группами, которым удалось проникнуть в Минск уже 26–27 июня, и вступлением главных сил, что означало бы полную оккупацию. Так, командующий 2-й танковой группой генерал-полковник Г. Гудериан утверждал, что «Гот, подойдя к Минску с севера, захватил его еще 26.06» [26, с. 126]. Начальник

генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер сделал в своих ежедневных записях пометку о том, что Минск занят, в середине дня 28 июня [27, с. 55]. Командующий 3-й танковой группой генерал-полковник Г. Гот, не указывая времени суток, заявлял, что 20-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Х. Штумпфа ворвалась в Минск с северо-запада (со стороны нынешней площади Бангалор) 28 июня и «очистила его от разрозненных групп противника. Но соединиться со 2-й танковой группой дивизии все же не удалось, так как вскоре пришлось отбивать атаки противника с юга и востока» [28, с. 70].

Судя по всему, 20-я танковая дивизия вступила в Минск ближе к вечеру 28 июня, во всяком случае, не ранее 16 часов, поскольку сопротивление оборонявшихся советских войск, как видим, все еще было весьма сильным. По свидетельству других источников, практически одновременно в город вошла 12-я танковая дивизия генерал-майора Й. Харпе [29, с. 46], а на следующий день по Брестскому шоссе – 17-я танковая дивизия генерал-майора Р. фон Вебера, авангард 2-й танковой группы Гудериана.

Советскому командованию судьба белорусской столицы оставалась неизвестной еще почти двое суток после ее захвата. «Ожидаю донесение о положении Минска и укрепленных районов...» – таким требованием сопроводил комфронта Д.Г. Павлов Боевое распоряжение командующему войсками 13-й армии, последовавшее в 23.00 29 июня [30, л. 61]. Трагическая новость о захвате Минска стала известна, судя по всему, как командованию Западного фронта, так и Москве, лишь к концу дня 30 июня.

ГДЕ КУПИТЬ ЖУРНАЛ?

ЖУРНАЛ «БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА» ПРОДАЕТСЯ

Минск

Брестская область: Барановичи, Брест, Пинск

Витебская область: Витебск, Глубокое, Городок, Докшицы, Лепель, Орша, Полоцк, Поставы

Гомельская область: Гомель, Житковичи, Жлобин, Калинковичи, Мозырь, Речица, Рогачев, Светлогорск

Гродненская область: Гродно, Кореличи, Новогрудок

Минская область: Борисов, Вилейка, Молодечно, Слуцк, Солигорск

Могилевская область: Бобруйск, Глусск, Горки, Кировск, Могилев, Осиповичи, Чериков, Шклов

Об этом говорят дата и время Оперативной сводки штаба фронта, в которой впервые конкретно упоминается о судьбе Минска. Этот документ составлен в 20.00 30 июня и сообщает следующее: «13-я армия в результате боев, начавшихся 28.6.41 года, оставила Минский укрепленный район и гор. Минск» [31, л. 52–54]. Для Москвы весть о падении столицы БССР была настолько ошеломляющей, что ее так и не решились озвучить в сводке Совинформбюро.

В заключение нельзя не высказать сожаление о том, что в 1944–1945 годах при подсчете ущерба, нанесенного столице БССР войной, не была проведена градация по временным периодам – за основу взяло положение, сложившееся на июль 1944 года. В результате потери Минска в июне 1941 года, как человеческие, так и материальные, фактически канули в Лету. Характерным примером такого подхода может служить заявление, сделанное в августе 1944 года секретарем ЦК КП(б)Б Т.С. Горбуновым о том, что в 1941 году «в огне погибли сотни жителей Минска» [21, л. 24–27 об.; 12, с. 296]. Но даже и оно при всей своей неопределенности дает основание не согласиться с цифрой 186 человек, погибших при бомбардировке, приведенной в «Исторической справке по г. Минску» в 1945 году [32, л. 42]. Документ не уточняет, о бомбардировках какого периода идет речь, а ведь от немецких воздушных атак минчане гибли не только в июне 1941 года, но и уже после освобождения в июле 1944 года, несомненно были жертвы и в ходе налетов советской авиации в 1942–1944 годах. Все это указывает на крайнюю приблизительность и, более того, случайность выведенной цифры, что подтверждается немецкими данными. Так, по оценке немецкой санитарной службы, на 1 августа 1941 года под развалинами в Минске оставалось еще от 600 до 700 тел [33, с. 374].

Также немецкие же источники приводят сведения о масштабах разрушений Минска в 1941 году: город был разрушен на 85 % [33, с. 382], из них потери жилого фонда составили 65 % [34].

Трагедия первых дней войны стала прологом к еще более тяжким испытаниям, выпавшим на долю минчан с началом нацистской оккупации. Но разрушенный, го-

лодный, понесший большие демографические потери Минск не стал на колени: тем же грозным летом 1941 года была открыта новая страница в его истории, связанная с жертвенной борьбой антифашистского подполья. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 637.
2. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (далее БГМИВОВ). – КП-34535.
3. Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Мінска. У 4 кн. / рэдкал.: Л.М. Драбовіч [і інш.]. – Мінск, 2005. – Кн. 4.
4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). – Фонд 208. – Оп. 3038. – Д. 15.
5. На земле Беларуси: канун и начало войны. Боевые действия советских войск в начальном периоде Великой Отечественной войны / В.В. Абатуров [и др.]. – Минск, 2006.
6. Тетерник, А. Белорусские пожарные в годы Великой Отечественной войны // Служба спасения 01. – 2004. – Июнь.
7. Ашкерев, В.П. Зенитные войска и зенитная артиллерия / В.П. Ашкерев. – М., 1968.
8. Архив Института истории Национальной академии наук Беларуси. – Фонд 20. – Оп. 1. – Д. 7а.
9. НАРБ. – Фонд 4683. – Оп. 31. – Д. 1046.
10. Мінскае антыфашысцкае падполле / аўт.-уклад. Я. І. Бараноўскі [і інш.]. – Мінск, 1995.
11. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 6.
12. Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941 года). Документы и материалы / сост.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск, 2006.
13. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 3. – Д. 1214.
14. БГМИВОВ. – Н/В 4715.
15. Олехнович, Г.И. Трудящиеся Белоруссии – фронту / Г.И. Олехнович. – Минск, 1972.
16. Успаміны Яўгена Ціхановіча // Полацк. – 1991. – № 10.
17. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 656.
18. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 5.
19. Клімковіч, І. Як ад роднай галінкі лісток адарваны... або акупіраванае дзяцінства / І. Клімковіч // Маладосць. – 2004. – № 6.
20. Булат, Л. Черные дни Минска / Л. Булат // Вечерний Минск. – 2002. – 26 июня.
21. НАРБ. – Фонд 750п. – Оп. 1. – Д. 125.
22. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 29. – Д. 1.
23. НАРБ. – Фонд 48. – Оп. 9. – Д. 2.
24. Российский государственный военный архив. – Фонд 38052. – Оп. 1. – Д. 6.
25. Kesselring, A. Soldat bis zum letzten Tag / A. Kesselring. – Bonn, 1953.
26. Гудериан, Г. Воспоминания солдата / Г. Гудериан. – Ростов-на-Дону, 1998.
27. Гальдер, Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг.: в 3 т. / Ф. Гальдер. – М., Воениздат, 1971. – Т. 3: От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941 – 24.09.1942).
28. Гот, Г. Танковые операции / Г. Гот. – Смоленск, 1999.
29. Хаупт, В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта / В. Хаупт. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. – 352 с.
30. ЦАМО РФ. – Фонд 208. – Оп. 10169. – Д. 17.
31. ЦАМО РФ. – Фонд 208. – Оп. 10169. – Д. 7.
32. НАРБ. – Фонд 845. – Оп. 1. – Д. 61.
33. Gerlach, C. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944 / C. Gerlach. – Hamburg, 1999.
34. Minsker Zeitung. – 1942. – 21/22 Juni.